

Имена негативных эмоций в раннем творчестве Ф. М. Достоевского

Алла Диомидова, Анна Юсель

crossref <http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.23.5619>

Аннотация. В статье рассматриваются имена эмоций, которые встречаются в произведениях Ф. М. Достоевского раннего периода его творчества. Имена эмоций понимаются как наименования для единиц концептуального плана – эмоциональных концептов, составляющих фрагмент концептуальной картины мира, отраженной в языке.

Основными теоретическими понятиями данного исследования являются понятия языковой картины мира, концепта и эмоционального концепта. Материалом исследования послужили наиболее известные тексты раннего периода творчества Ф. М. Достоевского «Бедные люди», «Белые ночи», «Неточка Незванова». В данных текстах были выделены имена эмоций: как негативных, так и положительных. Наиболее частотными именами эмоций являются: негативные – *тоска, страх*, положительные – *радость, любовь, счастье*.

В данной статье не рассматриваются все частотные имена эмоций. Основное внимание уделяется эмоциональному концепту *тоска*, как наиболее частотному, и его словарному синониму *грусть*. Сопоставительный анализ с переводами данных слов на литовский язык показывает, что, будучи ключевым русским концептом и культурно-специфичным русским словом, *тоска* дает сильный разброс вариантов перевода (16 вариантов). Концептуальный анализ *тоски* позволяет установить, что данная эмоция осмысливается как некая враждебная сила, которая покоряет человека, перед которой человек бессилен.

Отсутствие в текстах Ф. М. Достоевского слова *печаль* интерпретируется авторами данной работы как особенность, которая тесно связана с индивидуальным осмыслением данного концепта и близкого ему концепта *грусть*.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, эмоциональные концепты, эмоции, перевод, Достоевский.

Введение

Предлагаемое исследование посвящено особенностям функционирования русских эмоциональных концептов в концептосфере Ф. М. Достоевского. Исходной посылкой данного исследования является следующая: эмоциональные концепты, так как они реализуются в текстах Ф. М. Достоевского, могут как совпадать по содержанию с общекультурными (русскими) концептами, так и иметь в своем содержании индивидуальную составляющую.

Цель настоящей работы состоит в определении специфики эмоциональных концептов у Ф. М. Достоевского и в описании фрагмента индивидуальной картины мира («эмоциональной» картины мира). Задачи, которые ставят перед собой авторы данной статьи, можно сформулировать так: отобрать лексемы, обозначающие эмоциональные концепты, из ранних повестей Ф. М. Достоевского «Бедные люди», «Белые ночи» и «Неточка Незванова»; провести количественный анализ лексем и определить наиболее значимые для автора эмоциональные концепты; провести концептуальный анализ наиболее частотных эмоциональных концептов (в данной части исследования – только тех, которые обозначают негативные эмоции).

Материалом исследования являются следующие произведения: «Бедные люди», «Белые ночи» и «Неточка Незванова» – это наиболее известные произведения раннего периода творчества Ф. М. Достоевского. Отбор лексем, обозначающих эмоциональные концепты, проводился по следующим академическим изданиям трудов Ф. М. Достоевского:

Достоевский, Ф. М., 1972. Полное собрание сочинений в тридцати томах, Т1. Бедные люди. Повести и рассказы 1846–1847. Л.: «Наука» и

Достоевский, Ф. М., 1972. Полное собрание сочинений в тридцати томах, Т2. Повести и рассказы 1848–1859. Л.: «Наука».

Кроме того, для сопоставительного анализа использовались переводы данных работ Ф. М. Достоевского на литовский язык:

Dostojevskis, F., 1962. Baltosios naktys. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla. Перевод L. Žurauskas и

Dostojevskis, F., 1963. Lošėjas. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla.

Объектом данного исследования являются эмоциональные концепты в индивидуальной картине мира автора. А предметом – имена эмоций: ГРУСТЬ, ПЕЧАЛЬ, ТОСКА, СТРАХ, ИСПУГ, ТРЕВОГА, БЕСПО-

КОЙСТВО, ГНЕВ, ЯРОСТЬ, ЗЛОСТЬ, СКУКА, ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, РАДОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ, БЛАЖЕННОСТЬ.

Языковая картина мира. Ключевое понятие данной работы – эмоциональный концепт (будет определено ниже) – тесно связано с такими науками как когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Когнитивная лингвистика сформировалась как наука не так давно. Данная наука исследует проблемы соотношения языка и сознания.

Когнитивная лингвистика – это лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации. Следовательно, центральная проблема когнитивной лингвистики – построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями (Маслова, 2004, с. 12).

Ученые уже давно заметили, что существует неразрывная связь между языком и культурой. Вопросами, исследованиями, связанными с культурой и языком занимается молодая наука – лингвокультурология. Лингвокультурология как отдельная отрасль науки возникла в 90-е годы XX в. Лингвисты, исследуя язык, пытаются узнать нечто новое о культуре, то, что является важным, специфическим для исследуемой культуры.

Понятие *языковой картины мира* является важным для настоящей работы, так как мы будем рассматривать фрагмент *языковой картины мира*, отраженный в ранних произведениях Ф. М. Достоевского. *Языковая картина мира* – это языковое воплощение мировидения народа, которое закрепляется в языке. В языке накапливаются знания о мире, культурный опыт. Данные знания народа запечатлеваются в лексике, фразеологии, грамматике.

Именно в языке закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный (Маслова, 2004, с. 52).

В современной лингвистике *языковая картина мира* понимается как

исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности (Зализняк, 2005).

По мнению лингвистов З. Д. Поповой и И. А. Стернина

языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире (Попова, Стернин, 2007, с. 54).

Определение понятия «концепт». Не менее важным для данной работы является понятие концепта. Концепт, с одной стороны, ключевое понятие когнитивной

лингвистики, с другой – единица, которая составляет языковую картину мира. В лингвистике не существует однозначного определения термина концепт.

Дело в том, что концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования (Попова, Стернин, 2007, с. 29).

В настоящее время *концептами* интересуются многие языковеды. О концептах писали следующие ученые: А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, Э. Лассан, Л. О. Чернейко, В. А. Маслова и многие другие.

Термин *концепт* в 1928 г. употребил ученый С. А. Аскольдов-Алексеев и дал следующее определение *концепту*:

концепт как мысленное образование, которое замечает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты растение, справедливость, математические концепты) (цит. по Попова, Стернин, 2007, с. 30).

По мнению Л. О. Чернейко

концепт имени охватывает языковое преломление всех видов знания о явлении, стоящем за ним, – знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере, <...> а также составляет объем и содержание языкового знания (Чернейко, 1997, с. 287).

Интересно определение, которое дает в своей работе «Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «Любовь» и «Счастье» исследователь С. Г. Воркачев: «*концепт*» является зонтиковым термином» мотивируя это тем, что этот термин – предмет изучения таких дисциплин, как когнитивная психология, когнитивная лингвистика и лингвокультурология (Воркачев, 2003, с. 8).

Отсутствие единого определения связано с тем, что концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психокультурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре. (...) Следовательно, концепт многомерен, в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное (Маслова, 2004, с. 36).

Все выше приведенные определения *концепта* можно обобщить, то есть *концепт* является единицей мышления, которая отражает культуру народа.

З. Д. Попова и И. А. Стернин дают следующее определение *концепту*:

концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного

сознания к данному явлению или предмету (Попова, Стернин, 2007, с. 34).

Однако З. Д. Попова и И. А. Стернин полагают, что этнокультурная специфика для концепта не обязательна, так как есть множество концептов, у которых нет никакой этнокультурной специфики (Попова, Стернин, 2007, с. 35).

В данной работе мы будем определять *концепт* как ментальную единицу, которая является фрагментом языковой картины мира, но которая не всегда обладает этнокультурной спецификой.

Эмоциональные концепты. Данная работа посвящена эмоциональным концептам, поэтому следует определить понятия эмоции и эмоциональные концепты. В. И. Шаховский определяет эмоции

как специфическую форму человеческого отношения к действительности и его языковое (и праязыковое) выражение (интерпретацию) (Шаховский, 1996).

Исследователь отмечает, что эмоции являются одним из важнейших элементов культуры:

Один из значительных по важности элементов культуры нередко упоминается особо: наши мысли, речь, поступки, верования всегда сопровождаются эмоциями – эксплицитно или имплицитно, сознательно или бессознательно, вербально или невербально (Шаховский, 1996).

Эмоции это та центральная часть, при помощи которой люди из разных культур становятся похожими друг на друга. В настоящей работе мы будем пользоваться определением эмоционального концепта известного исследователя Н. А. Красавского:

этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально замечающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним (Красавский, 2008, 49).

Эмоциональные концепты – это результаты осмысления эмоций разными языковыми коллективами, закрепленные в языке.

Методика концептуального анализа. Концептуальный анализ ставит следующий вопрос:

Каково представление носителей языка о стоящем за абстрактным именем идеальном объекте (артефакте)? (Чернейко, 1997, с. 285).

В современной науке разработаны две методики концептуального анализа – это сценарная методика А. Вежицкой и гештальт-анализ Л. О. Чернейко. В данной работе будет использоваться методика концептуального анализа, предлагаемая в работах Л. О. Чернейко.

А. Вежицкая для описания концептов использует методику, которую можно назвать сценарным описанием концепта – в фокусе внимания исследователя

ситуация, в которой возникает эмоция, способ поведения человека при возникновении эмоции. Для описания сценария возникновения и проявления эмоции А. Вежицкая использует «семантический метаязык» (Вежицкая, 1999, с. 504).

Если мы хотим определить эмоциональные концепты таким образом, чтобы действительно что-то объяснить, то мы должны определять их на основе слов, которые являются интуитивно понятными (неспециальными) и которые сами не являются названиями специфических или эмоциональных состояний (Вежицкая, 1999, с. 506).

Эмоциональные концепты – включая так называемые базисные эмоции, такие как злость или печаль, – могут быть истолкованы через универсальные семантические примитивы типа «хороший», «плохой», «делать», «происходить», «знать» и «хотеть» (Вежицкая, 1996, с. 326).

Л. О. Чернейко в своей работе «Лингвофилософский анализ абстрактного имени» (Чернейко, 1997) предлагает методику концептуального анализа, который можно назвать гештальт-анализом. Предлагаемый Л. О. Чернейко

метод концептуального анализа абстрактного имени базируется на буквальном прочтении в первую очередь узально сочетающихся с ним глаголов физического действия, несущих информацию о классе явлений, которым этот акционарный признак присущ (Чернейко, 1997, с. 288).

Л. О. Чернейко пишет, что

выявление гештальтов – тактика концептуального анализа абстрактного имени. Стратегия его – в описании структуры языкового знания, то есть представлений носителей языка, скрытых в имени и раскрывающихся в его сочетаемости, в обнаружении «образов содержания знака» (Чернейко, 1997, с. 295).

Приемы выделения гештальтов заключаются в следующем:

гештальт выводится из буквального прочтения глагола (или имени), употребленного в сочетании с абстрактным именем в переносном значении, и связывает два явления (конкретное и абстрактное) по одному основанию, эксплицитному акциональному признаку (Чернейко, 1997, с. 295).

Гештальт – это условная единица и поэтому не всегда возможно имплицировать единственно верный гештальт.

В данной работе в основном будут рассматриваться предикативные метафоры. По мнению О. И. Глазуновой,

метафорическая предикация имеет место в том случае, если в предложении в качестве предиката употребляется лексема, соотносимая с субъектом не прямо, а опосредованно, через вспомогательный субъект, обладающий в сознании носителей языка значением типового образа – носителя данной предикативной характеристики (Глазунова, 2000).

Предикативные метафоры нужны для того, чтобы понять, с какими конкретными понятиями сознание со-

поставляет абстрактное понятие. В предикативных метафорах абстрактное имя часто выступает как агенс действия. Более того, в предикативных метафорах соединяются два далеких друг от друга понятия – абстрактное и конкретное. Только в сознании носителя языка данные понятия являются связанными между собой.

Абстрактные имена через сочетаемость представляют стоящую за ними сущность и как активный субъект действия (агенс) чаще всего в акте персонификации (олицетворения), и как объект воздействия в акте реификации (овеществления) (Чернейко, 1997, с. 291).

То есть у абстрактного имени есть способность олицетворяться либо овеществляться. Предикат, употребляемый с абстрактным именем, может или опредмечивать его, или одушевлять.

Имена эмоций в ранних произведениях Ф. М. Достоевского

Настоящее исследование основано на материале текстов произведений раннего творчества Ф. М. Достоевского. Раннее творчество писателя охватывает период с 1844 по 1849 г. К раннему творчеству Ф. М. Достоевского относятся следующие его произведения: роман «Бедные люди», повесть «Двойник, приключения Голядкина», повесть «Господин Прохарчин», рассказ «Чужая жена», повесть «Слабое сердце», роман «Белые ночи» и роман «Неточка Незванова». Для анализа в настоящей работе были отобраны три его произведения: повести «Бедные люди», «Белые ночи» и «Неточка Незванова». Также для анализа понадобились переводы данных произведений: „Vargo žmonės“, „Baltosios naktys“, „Netočka Nezvanova“. Переводчиком данных произведений является Л. Жураускас (L. Žu-rauskas).

Общее количество страниц трех произведений составляет 363 страницы. В данных трех произведениях найдено следующее количество лексем, обозначающие эмоциональные концепты: ТОСКА – 77 лексем, ЛЮБОВЬ – 69, РАДОСТЬ – 67, СТРАХ – 50, СЧАСТЬЕ – 45, УДОВОЛЬСТВИЕ – 25, ИСПУГ – 24, ГРУСТЬ – 15, БЕСПОКОЙСТВО – 12, СКУКА – 7, ТРЕВОГА – 6, ГНЕВ – 6, ЗЛОСТЬ – 3, БЛАЖЕНСТВО – 3, ЯРОСТЬ – 1, ПЕЧАЛЬ – 0. Общее количество всех лексем составляет 410.

Данные слова можно разбить на две группы: обозначающие положительные эмоции и обозначающие отрицательные (негативные) эмоции. Положительные эмоции обозначают слова: ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, УДОВОЛЬСТВИЕ, БЛАЖЕНСТВО, РАДОСТЬ. Лексемы – ГРУСТЬ, ТОСКА, СТРАХ, ИСПУГ, ТРЕВОГА, БЕСПОКОЙСТВО, ГНЕВ, ЯРОСТЬ, ЗЛОСТЬ, СКУКА, ПЕЧАЛЬ обозначают отрицательные эмоции. В анализируемых произведениях Ф. М. Достоевского не было найдено ни одного примера с употреблением эмоционального концепта ПЕЧАЛЬ (обсуждение данного факта см. далее).

Лексема, обозначающая эмоциональный концепт ТОСКА в трех произведениях употреблена 77 раз. Это

составляет 18,7 % от общего количества слов, обозначающих эмоциональные концепты. Кроме того, это составляет 38,3 % от всего количества употреблений слов, обозначающих отрицательные эмоции (201). Эти факты свидетельствуют о том, что наиболее важным эмоциональным концептом для раннего творчества Ф. М. Достоевского является концепт ТОСКА. Среди слов, обозначающих положительные эмоции, самым частотным является слово ЛЮБОВЬ – 69 раз, затем РАДОСТЬ – 67 раз и СЧАСТЬЕ – 45 раз. Меньше всего примеров употребления слова БЛАЖЕНСТВО. Найдено лишь 3 слова, которые обозначают данный эмоциональный концепт.

В данной части работы мы будем анализировать лексемы, обозначающие эмоциональные концепты: ТОСКА, ГРУСТЬ и ПЕЧАЛЬ, так как эти лексемы являются наиболее частотными.

«Тоска» – ключевой концепт русской языковой картины мира. О русской *тоске* уже написано немало научных работ. Ученые доказали, что тоска – один из важнейших концептов русского языкового сознания. «Тоска» является ключевым словом русской культуры: оно общеупотребительно, часто используется в литературе, фольклоре (Маслова, 2004, с. 212).

Тоска может возникнуть беспричинно или, с другой стороны, человек может знать, чего именно ему не хватает. Тоска связана с желанием изменить данную ситуацию,

<...> тоска – интенсивное, длительное, глубокое переживание, которое может мыслиться как общее состояние человека. Тоска предстает как нечто независимое от человека, существующее вне его, часто она сильнее его (Маслова, 2004, с. 215).

Тоска занимает важное место в русской языковой картине мира, поэтому изучение данного концепта привлекает внимание многих ученых. Тоска представляется как нечто независимое от человека, более того, часто она является сильнее его.

ТОСКА является важным ключевым концептом и у Ф. М. Достоевского (в трех анализируемых нами произведениях). Доказательством того является тот факт, что в этих произведениях употребление лексемы, обозначающей концепт ТОСКА является самым частотным.

«Тоска» у Достоевского и в переводах на литовский язык

Как показали наблюдения за переводом лексемы ТОСКА на литовский язык, в литовских текстах не удалось выявить одной лексемы, которую можно было бы назвать эквивалентом ТОСКИ. ТОСКЕ в литовских переводах соответствует группа лексем. Этим ТОСКА отличается от других лексем, для которых в литовских текстах существует ограниченное количество эквивалентов. Это указывает на то, что данная лексема обозначает понятие, специфичное для русской культуры. Такое понятие, которому нет однозначного эквивалента в другом языке, можно назвать культурно-специфичным.

Например, ГРУСТЬ в литовских текстах переводится тремя вариантами, а именно, *širdgėla*, *lūdnumas* и *liūdesys (liūdna, liūdeti)*, СЧАСТЬЕ переводится 44 раза одним вариантом – *laimė (laiminga)* и один раз переводится как *džiaugsmas*. Общее количество употреблений в текстах слова ТОСКА составляет 77, а вариантов перевода этого слова на литовский язык – 16. Приведем списком лексем, которые являются эквивалентом слова ТОСКА в литовских переводах. ТОСКА переводится как: *širdgėla* – 23, *gelia širdį* – 1 (24); *ilgesys* – 10, *ilgu* – 2, *ilgėdamasi* – 1, *ilgesingai* – 1 (14); *sielvartas* – 9; *maudulys* – 9; *skausmas* – 5, *skaudumas* – 1 (6); *nusiminimas* – 2, *nusiminęs* – 1 (3); *liūdesys* – 2; *prislėgta* – 2; *melancholija* – 1; *gėla* – 1; *neganda* – 1; *nūdulys* – 1; *nuliūdusi* – 1; *kankintis* – 1; *nusibosti* – 1; *pyktis* – 1.

Словарными эквивалентами ТОСКИ являются лексемы *liūdesys*, *ilgesys* и *nuobodulys* (Русско-литовский словарь, 2003). Все остальные эквиваленты лексемы ТОСКА, а именно, *širdgėla*, *nusiminimas*, *melancholija*, *sielvartas*, *skausmas*, *maudulys*, *gėla*, *neganda*, *nūdulys*, *prislėgta*, *nuliūdusi*, *kankintis*, *pyktis* – не словарные. В текстах перевода оказалось 3 варианта словарных соответствий, а остальные 13 вариантов перевода являются контекстуальными. Этот факт еще раз указывает на то, что ТОСКА является культурно-специфичным концептом в русской языковой картине мира.

Если существительное переводится большим количеством разных частей речи, то это опять же свидетельствует о различии в содержании концептов. ТОСКА переводится наибольшим количеством различных частей речи, а другие имена эмоций переводятся существительными. Исключения редки.

Данные исследования переводов произведений Ф. М. Достоевского на литовский язык в настоящей работе приводятся лишь для того, чтобы подчеркнуть особую выделенность концепта ТОСКА для русской культуры. Более подробное сопоставление оригинала и переводов может стать объектом отдельного исследования.

«Тоска»: концептуальный анализ. В данной части исследования будут рассмотрены предикативные метафоры, в которых в роли метафоризируемого члена выступает абстрактное имя ТОСКА. Исследование предикативных метафор с именем ТОСКА позволит нам описать гештальтную структуру концепта ТОСКА. Из 77 примеров, в которых употребляется лексема ТОСКА, 18 примеров представляют собой предикативные метафоры. Далее они будут рассмотрены более подробно. Кроме того, в текстах встретилось 2 генетивные метафоры.

В большинстве анализируемых нами случаях ТОСКА выступает как агент действия, а субъект оказывается в пассивной и бессильной позиции, что и покажет наш дальнейший анализ.

1. Мною овладела досада, ТОСКА, какое-то бешенство (1, с. 36).
2. Вскоре Б. заметил, что товарищем его все чаще и чаще начинает овладевать апатия, ТОСКА и

скука, что порывы энтузиазма его становятся реже и реже и что за всем этим последовало какое-то мрачное, дикое уныние (2, с. 150).

В первом и во втором примере употребляется одна и та же предикативная метафора – *ТОСКА овладела*. ТОСКА в этих предложениях выступает как агент действия. Значение глагола «овладеть» в Словаре русского языка (МАС) определяется как

взять силой, захватить; подчинить себе, своей воле, своему влиянию.

ТОСКА осмысливается как персона, которой субъект должен подчиняться. Более того, предикат «овладеть» указывает на неспособность управлять данной ситуацией. Предикативная метафора *ТОСКА овладела мною* указывает на то, что субъект является бессильным и пассивным. Он не в силах противостоять ТОСКЕ.

3. Мне стало отчего-то страшно, какой-то ужас напал на меня; воображение мое взволновано было ужасным сном; ТОСКА сдавила мое сердце (1, с. 37).

В следующей предикативной метафоре *ТОСКА сдавила мое сердце*, ТОСКА также выступает как агент действия. Глагол физического действия «сдавить» обязательно указывает на то, что ТОСКА является живым существом. Процесс сдавливания может происходить и между предметами. По МАС'у «сдавить»:

- 1) Плотно окружив, обхватив, сжать, стиснуть; заключить в тесное пространство, стеснить, ограничить.
- 2) Стеснить (горло, грудь), затруднив, перехватив дыхание; вызвать ощущение тяжести, боли (в душе, сердце).

У глагола *сдавить* отсутствует типовой деятель, что вызывает определенные трудности при выведении гештальта. Мы сформулируем гештальт таким образом – *Некто (или некто), что сдавливает*. Важным является то, что из двух метафор – *тоска овладела* и *тоска сдавила* – можно вывести общий архетип: *ТОСКА – сила, которая покоряет человека*.

4. Но теперь на меня такая ТОСКА нашла, что я сам моим мыслям до глубины души стал сочувствовать, и хотя я сам знаю, маточка, что этим сочувствием не возьмешь, но все-таки некоторым образом справедливость воздашь себе (1, с. 88).

В предикативной метафоре *тоска нашла* ТОСКА вновь является активной, однако выступает не в роли деятеля, а «в роли» состояния, которое «находит» на субъекта. Слово «найти» по толковому словарю МАС: перен. разг. *Овладеть кем-л., охватить кого-л. (о каком-л. чувстве, состоянии)*. ТОСКУ здесь можно охарактеризовать как силу, перед которой человек является бессильным. Можно говорить о том же самом архетипе, как и в первых двух случаях. Субъект не способен управлять сложившейся ситуацией, противостоять ТОСКЕ.

5. Заметить вам нужно, ангельчик, что вчерашнего дня я был сам не свой, ни на что и глядеть не

хотелось; грусть, ТОСКА такая напала! (1, с. 91).

В следующей предикативной метафоре *ТОСКА напала*, *ТОСКА* осмысляется как активный деятель. Из буквального прочтения глагола «напасть» можно вывести гештальт – *Враг*. Значение глагола «напасть» по МАС’у является следующим: *наброситься, накинуться*.

6. *Там вашему сердечку будет грустно, тошно и холодно. ТОСКА его высосет, грусть его пополам разорвет* (1, с. 106).

В предикативной метафоре *ТОСКА его высосет*, *ТОСКА* осмысляется как враждебный субъекту активный деятель. По толковому словарю МАС «высосать»: *сосанием вытянуть, извлечь из чего-л. (жидкость, влагу)*.

7. *Помню, что язвительная, беспредметная ТОСКА терзала меня как будто каким-то предчувствием* (2, с. 239).

Толковый словарь МАС определяет глагол «терзать» как

- 1) (сов. растерзать). *Рвать, раздирать на части.*
- 2) перен. *Причинять физические или нравственные страдания; мучить.*

Существо, которое может *разодрать на части* человека должно обладать сверхчеловеческими способностями. Поэтому здесь возможен гештальт *Сверхестественная сила*. Если же говорить о «характере взаимоотношения» этого существа с субъектом, то можно выделить гештальт *Враг*. Субъект находится в пассивной позиции. Он не способен управлять данной ситуацией. Архетип тот же, что и в предыдущих случаях: *ТОСКА – сила, которая покоряет человека*.

8. *С самого утра меня стала мучить какая-то удивительная ТОСКА* (2, с. 102).

ТОСКА осмысляется как агент действия. Толковый словарь МАС определяет глагол «мучить»:

- 1) *Причинять муки, физические или нравственные страдания.*
- 2) *Быть источником, причиной мук, страданий.*

Из буквального прочтения глагола *мучить* выводим гештальт – *Мучитель*. *ТОСКА* здесь, как и в предыдущих примерах, сильнее человека.

9. *Еще пройдут годы, и за ними придет угрюмое одиночество, придет с клюкой трясухая старость, а за ними ТОСКА и уныние* (2, с. 119).

Предикативная метафора – *ТОСКА пришла*. Здесь происходит персонификация *ТОСКИ*. Метафора имплицитно гештальт – *Персона*.

10. *Помещик повторил свой вопрос, и какое-то глубокое чувство, какая-то странная ТОСКА звучала в словах его* (2, с. 146).

По МАС’у «звучать»:

- 1) *Издавать звуки.*

- 2) *Раздаваться, быть слышимым (о различных звуках, голосах, музыке и т. п.)*.

Данная метафора позволяет вывести гештальт – *Звук*. *Тоска* здесь осмысляется как то, что может звучать. Данный пример интересен тем, что здесь *тоска* опредмечивается, а не персонифицируется.

11. *Наконец ТОСКА ее начала изливаться в жалобах, в глухих рыданиях и сетованиях* (2, с. 182).

ТОСКА в данном примере является агентом действия. Согласно толковому словарю МАС «изливаться»:

- перен. Книжн. Исходить, распространяться, излучаться (о звуках, запахах, свете)*.

Мнозначность в значении предиката позволяет вывести гештальт лишь приблизительно – это поток. Однако с уверенностью можно сказать, что в данном примере мы опять имеем дело в опредмечивании *тоски*.

12. *ТОСКА моя возрастала все более и более* (2, с. 183).

По толковому словарю МАС «возрастать»:

- Увеличиваться в размерах, количестве, объеме, силе, значении и т. д.; вырасти.*

Данный предикат «возрастать» – со значением увеличения. Здесь происходит опредмечивание *тоски* – она осмыляется как нечто, имеющее размер.

13. *К тому же какая-то, еще неясная мне самой, ТОСКА все более и более нарастала в моем маленьком сердце* (2, с. 189).

ТОСКА как агент действия. Толковый словарь МАС дает такую дефиницию глаголу «нарастать»:

- Увеличиваться (в размерах, объеме, силе – и т. п.)*.

ТОСКА осмыляется как нечто, имеющее размеры (как и в 12 примере). Происходит опредмечивание абстрактной сущности, в данном случае – эмоции.

14. *Сумерки сгустились; а вместе с ними росла и ТОСКА моя* (2, с. 256).

ТОСКА осмыляется как агент действия, как сущность, которая может менять размер.

15. *Я чувствовала, как будто что-то разрешилось в груди моей, что прежняя ТОСКА вдруг разом отпала от сердца и что-то новое начало наполнять его, что-то такое, о чем я не знала еще, – горевать ли о нем или радоваться ему* (2, с. 244).

Толковый словарь МАС дает следующее определение глаголу «отпасть»:

- В результате повреждения, удара и т. п. отделиться от чего-л., перестать держаться на чем-л.; отвалиться.*

Таким образом, *ТОСКА* опредмечивается.

16. *Я уже говорила, какое тоскливое впечатление производил на меня его нахмуренный, озабоченный вид, выражение лица, нередко грустное и убитое; как тяжело было мне после тех часов, которые проводили мы вместе за чайным столи-*

ком Александры Михайловны, и, наконец, какая мучительная ТОСКА надрывала сердце мое, когда мне приходилось быть раза два или три чуть не свидетельницей тех угрюмых, темных сцен, о которых я уже упоминала вначале (2, с. 250).

Согласно толковому словарю МАС, «надрывать»:

перен. Вызвать резкое ослабление физических сил (чрезмерными усилиями, тяжелой работой, каким-л. потрясением и т. п.); надломить.

Глагол «надрывать» необязательно указывает на то, что ТОСКА – живое существо. ТОСКУ здесь можно охарактеризовать – силу, перед которой человек является бессильным.

17. Подавляющая, мучительная ТОСКА отразилась на лице ее (2, с. 261).

По МАСу «отразиться»:

Проявиться, внешне обнаружиться в чем-л. (о чувствах, внутренних состояниях и т. п.).

Гештальт – можно сказать, что предмет, нечто, обладающее способностью отражаться.

18. Наконец ТОСКА моя разрешилась слезами и припадком (2, с. 250).

МАС дает такое определение глаголу «разрешиться»:

Прийти к какому-л. результату, закончиться, завершиться каким-л. образом.

ТОСКУ можно охарактеризовать как результат.

В отобранных примерах с именем ТОСКА удалось найти лишь два примера с генетивными метафорами. Рассмотрим эти языковые метафоры более подробно:

Но миг проходит, и, может быть, на завтра же вы встретите опять тот же задумчивый и рассеянный взгляд, как и прежде, то же бледное лицо, ту же покорность и робость в движениях и даже раскаяние, даже следы какой-то мертвящей ТОСКИ и досады за минутное увлечение (Т2, с. 105).

Генетивная метафора – следы ТОСКИ. ТОСКУ можно описать как предмет, который оставляет следы на лице.

И не думайте, чтоб я вам преувеличивал что-нибудь, ради бога, не думайте этого, Настенька, потому что на меня иногда находят минуты такой ТОСКИ, такой ТОСКИ (Т2, с. 118).

Сочетание минуты ТОСКИ имплицитно гештальт – промежуток времени.

Эмоциональные концепты «Грусть» и «Печаль». Как можно охарактеризовать тексты, в которых лексемы ГРУСТЬ и ТОСКА встречаются, а лексема ПЕЧАЛЬ нет? В данной части работы мы попытаемся ответить на данный вопрос. Как уже отмечалось выше, в текстах Ф. М. Достоевского было найдено 15 лексем, обозначающих эмоциональный концепт ГРУСТЬ и не найдено ни одной лексемы, обозначающей концепт ПЕЧАЛЬ.

Вероятно, ответ на данный вопрос может дать понимание различий в содержании концептов ГРУСТЬ и ПЕ-

ЧАЛЬ. В работе известного лингвиста А. Вежицкой «грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» (Вежицкая, 1999, с. 503) фиксируются такие различия между ГРУСТЬЮ и ПЕЧАЛЬЮ:

Как ГРУСТЬ, так и ПЕЧАЛЬ представляют собою общепотребительные, повседневные русские слова. ПЕЧАЛЬ должна быть протяженной во времени. ПЕЧАЛЬ может быть «глубокая», но ГРУСТЬ «глубокой» быть не может. «Легкой» и «мимолетной» скорее может быть ГРУСТЬ, нежели ПЕЧАЛЬ. По-русски можно сказать *погрузиться в ПЕЧАЛЬ*, но не *погрузиться в ГРУСТЬ*. ГРУСТЬ иногда может быть охарактеризована как *светлая*, а выражение *светлая печаль* звучало бы странно. ГРУСТЬ может не иметь четко идентифицируемой причины, а ПЕЧАЛЬ обычно сопровождается определенной причиной. Чувство ПЕЧАЛИ указывает на то, что «случилось нечто плохое» (не обязательно со мною), а также, что результатом случившегося стала ситуация, которая тоже рассматривается как «плохая». Чувство, ассоциирующееся с ГРУСТЬЮ, не предстает в толковании как «плохое чувство». В случае же ПЕЧАЛИ чувство определяется как «плохое» (Вежицкая, 1999, с. 510-514).

Далее, мы рассмотрим примеры из текстов Ф. М. Достоевского. Приведем примеры, в которых появление ГРУСТИ является беспричинным:

Заметить вам нужно, ангельчик, что вчерашнего дня я был сам не свой, ни на что и глядеть не хотелось; ГРУСТЬ, тоска такая напала! (1, с. 91);

И чем, казалось, счастливее была она, чем покойнее, яснее была минута ее жизни, тем ближе была тоска, тем вероятнее была внезапная ГРУСТЬ, слезы: как будто на нее находил припадок (2, с. 226).

Данные примеры указывают на то, что ГРУСТЬ в понимании Ф. М. Достоевского появляется внезапно, беспричинно. Такое понимание совпадает с тем, как оно осмысливается в русской языковой картине мира.

Однако следующий пример объясняет нам то, что Ф. М. Достоевский не осмысливает ГРУСТЬ как светлую или мимолетную, а, наоборот, в его понимании она предстает как страшная и долгая.

А Александра Михайловна ударялась в слезы или впадала в страшную, долгую ГРУСТЬ (2, с. 227).

В данном примере ГРУСТЬ сочетается с прилагательными *долгая* и *страшная*. Значит, Ф. М. Достоевский осмысливает ГРУСТЬ как протяженную во времени, как очень интенсивную. В русской языковой картине мира ПЕЧАЛЬ, а не ГРУСТЬ предстает протяженной во времени. На интенсивность чувства, называемого лексемой *грусть* указывает и следующий пример:

ГРУСТЬ нападёт смертельная (1, с. 57).

Словосочетание *смертельная ГРУСТЬ* указывает на то, что ГРУСТЬ можно охарактеризовать как «плохое чувство». В русской языковой картине мира ГРУСТЬ не определяется как «плохое чувство», однако, ПЕЧАЛЬ можно охарактеризовать таким образом. Мы выявили еще одно различие между субъективно ос-

мысляемым писателем Ф. М. Достоевским концепта ГРУСТЬ и как оно понимается в русской языковой картине мира.

Перечисление лексем ГРУСТЬ и ТОСКА как однородных членов предложения указывает на то, что они сближаются в сознании автора:

Заметить вам нужно, ангельчик, что вчерашнего дня я был сам не свой, ни на что и глядеть не хотелось; ГРУСТЬ, ТОСКА такая напала! (1, с. 91).

В некоторых примерах с ГРУСТЬЮ, как и в примерах с ТОСКОЙ, субъект часто оказывается бессильным и пассивным.

ГРУСТЬ нападет смертельная (1., с. 57);

ГРУСТЬ его пополам разорвет (1, с. 106);

С самого утра меня стала мучить какая-то удивительная ТОСКА (2, с. 102).

ГРУСТЬ разрывала мою душу (2, с. 211);

Какая-то ГРУСТЬ оттенила ее прелестное личико (2, с. 211);

Но к сладким слезам моим примешивалась такая невыносимая ГРУСТЬ (2, с. 246).

В индивидуальной картине мира Ф. М. Достоевского наблюдается сближение содержания концепта ГРУСТЬ с общеязыковым концептом ПЕЧАЛЬ (так, как он описан в работе А. Вежицкой). Возможно, по этой причине концепт ПЕЧАЛЬ не лексикализуется в текстах писателя. Кроме того, ГРУСТЬ обладает общими чертами с концептом ТОСКА: их сближают как общие гештальты, так и общий архетип: враждебная сила, перед которой субъект бессилен.

Выводы

Проведенный в данном исследовании количественный анализ имен, которые называют эмоции, позволяет утверждать, что наиболее частотными в раннем творчестве Ф. М. Достоевского являются лексемы *тоска*, *любовь*, *радость*.

Индивидуальная картина мира Ф. М. Достоевского нередко служит исследователям материалом для суждений о русской языковой картине мира (ср. например, исследование Арутюнова, 1999, с. 846–870, в которой автор исследует безличность и неопределенность в русском языке).

Исследование фрагмента ЯКМ, в частности, осмысления Ф. М. Достоевским негативных эмоций, позволяет говорить не только о совпадении индивидуального их осмысления с общеязыковым, но и об определенных отличиях.

Как и в русской языковой картине мира, у Ф. М. Достоевского концепт *тоска* является наиболее частотным. Лексема *тоска* чаще, чем другие лексемы, встречается в составе метафорических выражений.

Осмысление данного концепта согласуется с выделяемой А. Вежицкой «культурной темой» русского

языка, которую автор назвал «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь» (Вежицкая, 1996, с. 34).

В индивидуальной картине мира Ф. М. Достоевского наблюдается сближение содержания концепта ГРУСТЬ с общеязыковым концептом ПЕЧАЛЬ (так, как он описан в работе А. Вежицкая, 1999). Возможно, по этой причине концепт ПЕЧАЛЬ не лексикализуется в текстах писателя.

Кроме того, ГРУСТЬ обладает общими чертами с концептом ТОСКА: их сближают как общие гештальты, так и общий архетип: враждебная сила, перед которой субъект бессилен.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д., 1999. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.
2. Вежицкая, А., 1999. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций». Вежицкая, А. *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки культуры, с. 503-525.
3. Вежицкая, А., 1996. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
4. Воркачев, С. Г., 2003. *Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «Любовь» и «Счастье» (Русско-английские параллели)*. Волгоград: Перемена. Доступно: <http://lincon.narod.ru/books.htm> [просмотрена ноябрь 2013].
5. Глазунова, О. И., 2000. *Логика метафорических преобразований*. Санкт-Петербург. Доступно: <http://www.philology.ru/linguistics/glazunova-00.htm> [просмотрена ноябрь 2013].
6. Зализняк, А., 2005. Языковая картина мира. *Энциклопедия «Кругосвет»*. Доступно: <http://www.krugosvet.ru/> [просмотрена ноябрь 2013].
7. Красавский, Н. А., 2008. *Эмоциональные концепты с немецкой и русской лингвокультурах*. Москва: Гнозис.
8. Маслова, В. А., 2004. *Лингвокультурология*. Учебное пособие. Москва: АСАДЕМА.
9. Попова, З. Д., Стернин, И. А., 2007. *Когнитивная лингвистика*. Москва: Восток-запад.
10. Чернейко, Л. О., 1997. Абстрактное имя как объект концептуального анализа. *Лингво-философский анализ абстрактного имени*. Москва.
11. Шаховский, В. И., 1996. *Эмоциональные культурные концепты*. Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т. Доступно: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky03.shtml [просмотрена ноябрь 2013].

Источники

1. Достоевский, Ф. М., 1972. *Полное собрание сочинений в тридцати томах. Бедные люди повести и рассказы*, Т1. Л.: Наука.
2. Достоевский, Ф. М., 1972. *Полное собрание сочинений в тридцати томах. Повести и рассказы*, Т2. Л.: Наука.
3. Dostojevskis, F., 1962. *Baltosios naktys*. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla. Перевод Л. Жураускас (L. Žurauskas).
4. Dostojevskis, F., 1963. *Lošėjai*. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla. Перевод Л. Жураускас (L. Žurauskas).

Словари

1. МАС, 1999 – *Словарь русского языка*. В 4-х т. /РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. Москва: Рус. Яз.; Полиграфресурсы. Доступно: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [просмотрена ноябрь 2013].
2. *Русско-литовский словарь*, 2003. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Alla Diomidova, Anna Jusel

Negatyvių emocijų pavadinimai ankstyvojoje F. Dostojevskio kūryboje

Santrauka

Šiame straipsnyje analizuojami emocijų pavadinimai F. Dostojevskio ankstyvosios kūrybos apsakymuose. Emocijų pavadinimai suvokiami kaip konceptualiųjų vienetų (emocinių konceptų, kurie sudaro konceptualiojo pasaulėvaizdžio fragmentą) pavadinimai.

Pagrindinės šio tyrimo teorinės sąvokos yra kalbinio pasaulėvaizdžio sąvoka, koncepto ir emocinio koncepto sąvokos. Šio tyrimo medžiaga tapo F. Dostojevskio ankstyvosios kūrybos žymiausi kūriniai – „Vargo žmonės“, „Baltosios naktys“, „Netočka Nezvanova“. Šiuose tekstuose buvo rasta neigiamų ir teigiamų emocijų pavadinimų. Dažniausi neigiamų emocijų pavadinimai – *toska (liūdesys)*, *strah (baimė)*, teigiamų – *radost (džiaugsmas)*, *liubov (meilė)*, *schastje (laimė)*.

Šiame straipsnyje neanalizuojami visi dažniausieji emociniai konceptai. Pagrindinis dėmesys šiame straipsnyje skiriamas tik konceptui *toska (liūdesys)*, dėl to, kad jis dažniausiai vartojamas tekstuose, ir jo sinonimui *grust (liūdesys)*. Lyginamoji vertimų į lietuvių kalbą analizė rodo, kad unikalus rusiškas konceptas *toska (liūdesys)* turi daugiausiai vertimų į lietuvių kalbą variantų (16). Koncepto *toska* analizė parodė, kad šis jausmas suvokiamas kaip priešiška jėga, kuri pavergia žmogų, prieš kurią žmogus yra bejėgis.

F. Dostojevskio tekstuose nėra dažnai vartojamo rusiško žodžio *pechal (liūdesys)*. Šio straipsnio autorės aiškina šį faktą sinonimiško koncepto *grust (liūdesys)* suvokimo ypatumais.

Straipsnis įteiktas 2013 10

Parengtas spaudai 2013 12

Об авторах

Алла Диомидова, др., доцент Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета, Литва.

Области научных интересов: когнитивная лингвистика, язык и культура, теория и практика перевода, сопоставительные исследования.

Адрес: Вильнюсский университет, Каунасский гуманитарный факультет, ул. Муйтинес, д. 8, ЛТ-44240 Каунас, Литва.

Эл. почта: alla.diomidova@gmail.com

Анна Юсель, бакалавр лингвистики, выпускница Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета, Литва.

Области научных интересов: когнитивная лингвистика, язык и культура, теория и практика перевода, сопоставительные исследования.

Адрес: Вильнюсский университет, Каунасский гуманитарный факультет, ул. Муйтинес, д. 8, ЛТ-44240 Каунас, Литва.

Эл. почта: ajusel@gmail.com